

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 327.3
doi: 10.17223/15617793/481/8

«Мягкая сила» негосударственных акторов мировой политики: кейс Ага Хана IV и его институтов

Бахри Хуришедович Бахриев¹, Ксения Петровна Боришполец²

^{1, 2} Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия

¹ mr.bahriev29@gmail.com

² oksabor@mgimo.ru

Аннотация. Анализируются особенности формирования «мягкой силы» негосударственных акторов мировой политики. Утверждается, что значительным «мягкосиловым» потенциалом обладают негосударственные акторы, работающие в социально-гуманитарной сфере, у которых «мягкая сила» формируется за счет продвигаемых ими позитивных ценностей, международного признания их деятельности и доверия к ним со стороны членов мирового сообщества. В качестве прикладного примера изучается деятельность духовного лидера исмаилитов Ага Хана IV и возглавляемых им гуманитарных институтов.

Ключевые слова: «мягкая сила», негосударственные акторы, Ага Хан IV, Организация Ага Хана по развитию

Для цитирования: Бахриев Б.Х., Боришполец К.П. «Мягкая сила» негосударственных акторов мировой политики: кейс Ага Хана IV и его институтов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 66–76. doi: 10.17223/15617793/481/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/481/8

Soft power of non-state actors in world politics: The case of Aga Khan IV and his institutions

Bahri Kh. Bahriev¹, Ksenia P. Borishpolets²

^{1, 2} MGIMO University, Moscow, Russian Federation

¹ mr.bahriev29@gmail.com

² oksabor@mgimo.ru

Abstract. The article studies the specifics of the formation of soft power of non-state actors (NSAs) in world politics. The authors argue that contemporary research discourse on soft power mainly focuses on the experience and potential of states for which the soft power component complementary to the resources of hard power is another tool for projecting influence on the international arena. Though scholars recognize that NSAs possess similar resources, this phenomenon does not attract regular academic interest. The aim of the article is to analyze the sources, potential and options of practical application of soft power by NSAs in modern world politics. The main results of the conducted study are as follows. Firstly, the authors have shown that some NSAs' range of tools for influencing the world politics can be viewed within the line, dichotomous and specific to states, of soft power and hard power. Secondly, the authors have revealed that despite the fact that many NSAs utilize various combinations of soft and hard power resources, such a binary model's capacity for them is often limited in time and space. What ensures NSAs' sustainable influence in world politics is their exclusive reliance on soft power resources. Thirdly, the authors have established that NSAs, working in the social and humanitarian sphere, have a significant soft power potential which is largely formed by the nature of the values they promote, the international community's recognition of their activity and the level of trust in them. As a case study, the authors analyze the activity of Aga Khan IV, the head of the Ismaili community, and the humanitarian institutions personally led by him. The study proves that Aga Khan IV's soft power derives not only from considerable human support within adherents of Ismailism, but also from the focus on high principles of humanity, diverse formats of practical activity, and growing international recognition. These factors allow Aga Khan IV to overcome the constraints that individual actors of world politics usually face while projecting international influence and enhancing soft power.

Keywords: soft power of non-state actors, Aga Khan IV, Aga Khan Development Network

For citation: Bahriev, B.Kh. & Borishpolets, K.P. (2022) Soft power of non-state actors in world politics: The case of Aga Khan IV and his institutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 481. pp. 66–76. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/481/8

Концепция «мягкой силы» достаточно популярна в исследованиях, посвященных разнообразию ресурсов достижения внешнеполитических целей современных государств. Ее концептуальную основу в начале 1990-х гг. впервые предложил известный американский ученый Джозеф Най. По его мнению, «мягкая сила» государства, опирающаяся на его культуру, политические ценности и принципы внешней политики, заключается в «способностях оказывать влияние с целью достижения желаемых результатов скорее с помощью привлекательности, нежели принуждения или оплаты» [1. Р. 28]. Логика идеи Дж. Наия выглядит вполне убедительной, если рассматривать возможности влияния государства на международной арене через призму дихотомии «жесткая сила» – «мягкая сила». Согласно такому подходу государство как актор, обладающий исключительным правом на применение насилия на своей территории, но существенно ограниченный в применении силы за рубежом, может получить важный дополнительный ресурс реализации своих внешнеполитических интересов в виде «мягкой силы». Однако одновременно подход Дж. Наия формально ограничивает круг обладателей «мягкой силы» исключительно государствами, которые, хотя и остаются ключевыми, но далеко не единственными акторами современной мировой политики.

В этой связи объективно возникает два вопроса. *Во-первых*, является ли «мягкая сила» ресурсом, который атрибутируется только государствам, или же в современных реалиях этот ресурс может применяться и другими акторами? *Во-вторых*, если «мягкой силой» могут обладать и негосударственные акторы (НГА), то как она формируется и каким образом проявляется в их деятельности? Поиск ответов на поставленные вопросы является *целью* настоящей статьи, а в качестве примера «мягкосилового» влияния НГА авторы анализируют деятельность духовного главы общины исмаилитов Ага Хана IV и возглавляемых им гуманитарных институтов.

Говоря о степени разработанности темы исследования, необходимо констатировать наличие обширного научного задела в изучении разнообразия механизмов проецирования влияния НГА на современную мировую политику. Однако в существующих работах в фокусе внимания специалистов преимущественно оказываются наиболее общие аспекты проблематики ресурсов влияния НГА. Последние в сфере проецирования не-силового влияния часто рассматриваются как стандартные инструменты публичной дипломатии государственных акторов. При этом в контексте осмысления международного влияния НГА главное внимание уделяется анализу возможностей неправительственных организаций (НПО), транснациональных корпораций (ТНК), а также акторов, использующих насилие (террористических группировок), тогда как ресурсы влияния отдельных личностей (персонально или через институты) обычно находятся на периферии научного дискурса. Таким образом, в русскоязычной и англоязычной профильной литературе ощущается недостаток фундированных научных публикаций, посвященных анализу особенностей «мягкой

силы» исключительно НГА, факторов ее возникновения, критериев оценки и, что особенно важно, характеристике специфики персонально-атрибутированных ресурсов «мягкой силы» негосударственных участников современной мировой политики.

Источники «мягкой силы» НГА: теоретико-методологический аспект

Оригинальная концепция Дж. Наия не акцентирует внимания на предметном осмыслении возможностей НГА, хотя сам Най признает за ними наличие собственной «мягкой силы». В частности, по его мнению, неправительственные организации, не располагая «жесткой силой», обладают способностью получить желаемые результаты через *привлекательность*, а не *принуждение* [2]. Такой выход концепта «мягкой силы» за рамки этатистской трактовки ресурсов взаимодействия на международной арене открывает возможности его дальнейшего научного развития в интересах мирополитической практики.

Соглашаясь с авторитетным американским профессором, отметим, что большинство НПО действительно обладают именно «мягкой силой», однако отдельные «внесистемные» НГА, например террористические, могут иметь в своем распоряжении и другие ресурсы, они могут использовать давление / насилие. Инструменты влияния таких НГА целесообразно рассматривать в уже известном дихотомическом ключе «жесткой» и «мягкой» силы. К примеру, используя современные технологии, запрещенное на территории России ИГИЛ в течение ряда лет создавало большое количество медиапродукции, распространяя ее через социальные сети и демонстрируя мифологему об идеальном обществе в своем квазигосударстве. Однако подобная тактика создания привлекательности через манипулятивные стратегии, которая вписывается в рамки реалистской трактовки «мягкой силы», не может быть эффективной в долгосрочной перспективе [3]. Отсюда следует вывод, что из-за характера деятельности, которая признается членами мирового сообщества деструктивной, инструменты конструирования «мягкой силы» у НГА, использующих насилие, априори ограничены во времени и пространстве.

В современной международной жизни можно найти и менее драматические, чем деятельность ИГИЛ, факты применения ресурсов «мягкой силы» НГА. Например, целесообразно отметить мобилизационный потенциал отдельных религиозных авторитетов, которых можно называть «сверхправомочными / сверхвлиятельными» индивидами (*super-empowered individuals*), – термин, который не так давно вошел в американский аналитический дискурс [4]. К таким деятелям относится, в частности, видный шиитский теолог аятолла Али Систани, последователи которого проживают не только в Ираке, но и в других странах Ближнего Востока. Хотя Систани публично дистанцируется от политики, он пользуется огромным авторитетом в иракском обществе и имеет влияние на политику государства, обладает поддержкой вооруженного формирования «Армия Бадр». По мнению неко-

торых исследователей, такие религиозные деятели, как А. Систани «могут найти спасительный баланс в тяжелой современной ближневосточной ситуации, и их деятельность может привести к возвращению в этот регион стабильности и необходимого развития» [5].

И, конечно, анализируя многоликость «мягкой силы», следует сослаться на возможности транснациональных корпораций, которые не только обладают внушительными экономическими ресурсами, но и пытаются с помощью механизмов, аналогичных тем, которыми пользуются государства, конструировать и реализовывать весь арсенал средств своего влияния. ТНК способны контролировать целые секторы национальной экономики, налоговую политику государств [6], некоторые из них (к примеру, транснациональные частные военные компании) прибегают к применению силы в отношении государственных структур, бросая вызов последним в том, что касается обладания монополией на легитимное применение насилия.

Из приведенных выше примеров становится ясно, что для некоторых НГА инструментарий воздействия на мировую политику не ограничивается только «мягкими» ресурсами. Однако, как правило, НГА опираются все же именно на ресурсы «мягкой силы», что в свете растущей роли таких акторов на международной арене актуализирует изучение особенностей формирования их «мягкого» влияния. На этом пути возникают определенные сложности ввиду многочисленности НГА и широкого разнообразия направлений их деятельности, отсутствия у этой категории акторов некоего общего знаменателя (например, такого как суверенитет у государства) и, наконец, сложности установления подлинной природы НГА, поскольку некоторые из них являются всего лишь инструментариумом государственных акторов.

В то же время существует много примеров, когда НГА, используя ресурсы «мягкой силы» – убеждение и выдвижение привлекательной идеи, добиваются позитивных перемен или важных глобальных соглашений между государствами. Классическим примером представляется инициатива ряда НПО о запрете производства и использования противопехотных мин. Активная работа в этом направлении увенчалась успехом и в итоге завершилась подписанием в конце 1990-х гг. в Оттаве межгосударственных соглашений. Сегодня 164 государства являются участниками Оттавского договора. Приведенный пример вписывается в рамки «мягкосиловой» стратегии НГА, которую сингапурский исследователь А. Чонг называет интерместической социализацией (intermestic socialization). Ее суть заключается в том, что НГА, формируя некие режимы, добиваются, чтобы в соответствии с ними государства также брали на себя обязательства [7. С. 80].

Хотя примеры говорят об активном использовании НГА «мягкосиловых» ресурсов, вопрос о том, что формирует их «мягкую силу», остается открытым. Можно, конечно, исходить из тех же источников, которые конструируют «мягкую силу» государств (культура, политические ценности и принципы внешней политики), однако, во-первых, не все НГА обладают

ими, и, во-вторых, в рамках канонического государствоцентричного понимания «мягкой силы» она в большей степени связана со стремлением к власти, господством и конкуренцией, тогда как многие НГА к таким целям в их прямом и привычном смысле не стремятся. Соответственно, формирование единого набора ресурсов «мягкого» влияния НГА в силу разнородности этой категории акторов крайне затруднительно.

Как представляется, «мягкой силой», способной к конвертированию в значительные практические перемены в мировой политике, преимущественно обладают крупные региональные и глобальные НГА. По нашему мнению, «мягкая сила» таких акторов формируется за счет нескольких источников / ресурсов. Во-первых, важным условием являются *ценности*, которые лежат в основе деятельности конкретного НГА, и то общественное *благо*, к которому он стремится. Справедливость, благоприятная экология, безопасность и другие сопоставимые с идеалами устойчивого развития человечества цели, выступающие практическим воплощением ориентиров мирового сообщества, в обязательном порядке включаются в программные установки всех авторитетных НГА.

Во-вторых, учитывая, что в современной системе международных отношений главными акторами являются государства, для НГА очень важно *признание* их деятельности со стороны государств. Признание международных правительственных организаций и желательно других НГА также важно, но оно является как бы промежуточным этапом к признанию на государственном уровне. Важность признания НГА со стороны государств, по мнению специалистов, заключается в том, у государств, несмотря на все проблемы с функционированием институтов демократии, легитимность власти исходит от института выборов. По отношению к НГА этот механизм неприменим, никто ведь, например, не выбирал Amnesty International [8]. Другими словами, легитимность НГА как международного актора в полной мере может быть обеспечена только посредством государственного признания.

И, в-третьих, внешняя политика негосударственного актора, под которым следует понимать его международное *общение-сотрудничество*, должно основываться на конструктивных принципах, способных формировать *доверие* к НГА со стороны глобального сообщества. Строго говоря, фактор доверия как обеспечение «мягкой силы» важен и для государств [9], но ресурс доверия абсолютно необходим в случае НГА. Данный критерий, конечно, имеет ряд ограничений. Например, международная деятельность правозащитных НПО по лоббированию давления на так называемые «страны-нарушители» прав человека никак не является конструктивной с точки зрения обретения доверия стран – объектов давления. Соответственно, для них такие НПО не могут обладать «мягкой силой».

Основные факторы формирования «мягкой силы» в контексте деятельности НГА указывают, с одной стороны, на вариативность моделей их поведения на международной арене, а с другой – на субъективность оценки параметров ресурсов «мягкой силы». Но все

же следует отметить, что у НГА, работающих в менее политизированных сферах, больше шансов для формирования доверительных отношений с различными государствами, чем у тех, которые стремятся изменить политический статус-кво, режим, правоприменительную практику и т.п.

Можно указать и ряд других факторов, от которых зависит формирование «мягкой силы» негосударственного актора. Например, наличие у НГА информационных инструментов, т.е. речь идет о своего рода публичной дипломатии, являющейся инструментом «мягкой силы». Как отмечают специалисты, в виртуальном пространстве государственные акторы не являются *primus inter pares*; в борьбе за «умы и сердца» они там находятся в равном положении с НГА [10]. Также фактором, влияющим на «мягкую силу» НГА, можно назвать их отношение к «жесткой силе» как к инструменту достижения целей. Это особенно важно в современных условиях, когда идеи отдельных НГА, использующих насилие, оказываются привлекательными для некоторых групп населения, причем как в развивающихся, так и развитых странах [11]. Но такая «мягкая сила», слитая воедино с силой «жесткой», ограничена во времени и пространстве и отторгается мировым сообществом.

Приведенный набор параметров, которые могут формировать «мягкую силу» НГА, не является исчерпывающим; вероятно, в большей степени он подходит для оценки «мягкосилового» потенциала тех НГА, которые функционируют в социально-гуманитарной сфере. Такие НГА обладают значительным потенциалом «мягкой силы», поскольку у них нет «жесткосиловых» механизмов достижения целей. Они, по мнению А. Чонга, используя свою «мягкую силу», путем мирного убеждения (*peaceful persuasion*) обращают взгляд на морально-этические проблемы международных отношений, которые часто оказываются вне фокуса внимания государств и межправительственных организаций [10]. Сегодня НГА, работающих в социогуманитарной сфере, великое множество, что усиливает исследовательский интерес к многоликости «мягкой силы». Однако авторами настоящей статьи в качестве прикладного примера (кейса) выбрана деятельность главы общины исмаилитов Ага Хана IV и возглавляемых персонально им институтов. Данный кейс в общих чертах интересен по ряду моментов.

Во-первых, в России об Ага Хане IV и деятельности возглавляемых им институтов знают немногие, хотя духовный лидер исмаилитов является хорошо известной фигурой в мусульманском мире и на Западе. Учрежденные лидером современных исмаилитов организации успешно работают во многих государствах – преимущественно в развивающихся странах Азии и Африки.

Во-вторых, пример деятельности Ага Хана IV и его институтов наглядно демонстрирует растущую роль НГА в мировой политике, возможности их влияния на решение насущных и перспективных вопросов человеческого развития в конструктивном ключе.

В-третьих, пример духовного лидера исмаилитов показывает, что в определенных случаях статус главы

религиозной общины не является ограничением для распространения позитивного персонального влияния за ее пределами, например при опоре на конструктивные идеи и умелом использовании не только религиозных, но и общегражданских институциональных ресурсов.

И, *в-четвертых*, в современных условиях перманентной угрозы религиозного терроризма опыт Ага Хана IV, его институтов и его общины в целом показывает, какие ресурсы имеются в распоряжении позитивно мыслящих религиозных лидеров для несиловой борьбы с деструктивными идеями религиозных радикалов.

Обращение к анализу опыта деятельности персонализированных в силу происхождения и традиций негосударственных структур во главе с Ага Ханом IV отражает объективную дихотомию концептуализации явлений мирополитической действительности, которая формируется на основе сочетания элементов нормативного и эмпирического подходов. В этой связи авторы полагают, что кейс Ага Хана IV отмечен как универсальными для ресурсов «мягкой силы» НГА характеристиками, так и чертами, указывающими на его уникальность, и, следовательно, открывающими возможности для дальнейших, более глубоких разработок феноменологического плана. При этом фокусирование внимания на позитивных аспектах деятельности объекта научного наблюдения обусловлено доминированием в актуальном публичном дискурсе сведений и данных, характеризующих именно конструктивные характеристики разнообразных общественных проектов, ассоциируемых с личностью Ага Хана IV.

Представляется, что, не отрицая возможность альтернативных взглядов, на современном этапе целесообразно уделить главное внимание позитивному вкладу взятого за основу примера НГА как имеющему необходимую доказательную базу в виде официального признания высокого статуса актора значительным числом государств, номенклатуры реализованных проектов и поддержки со стороны населения в различных регионах мира. Это позволит оценить соотношение универсальных и частных характеристик «мягкосиловых» ресурсов современных акторов мирополитического взаимодействия с тем, чтобы посредством эмпирических доказательств сформулировать представления о наличии или отсутствии существенных отличий разнообразных форматов современного поведения в международной среде без использования военного или иного силового принуждения.

О роли Ага Хана IV как индивидуального актора мировой политики

Научный дискурс об антропологическом / индивидуалистском измерении мировой политики не является новым явлением. Постановка проблемы индивида как актора мировой политики во основном началась со второй половины XX в. В начале 1980-х гг. британский исследователь Э. Линклейтер писал о противоречии между гражданско-социальным партикуляризмом человека и его этическим универсализмом.

В начале 1990-х гг. американский ученый Дж. Розенау уже ставил вопрос о целесообразности углубленного осмысления роли индивидов в международной политике [12].

Представляется логичным, что индивид является основным актором политики на всех уровнях (международный, национальный, институциональный), хотя и действует в рамках или посредством таких институтов, как государство, транснациональные, общественные или частные организации. Как справедливо отмечает известный российский специалист по антропологии международных отношений Э. Баталов, «непосредственными строителями международных отношений являются живые конкретные люди, накладывающие на них печать своей личности» [13. С. 136]. Как бы ни представляли индивида – «механиком, обслуживающим международные институты и системы», или просто «колесиком и винтиком» этих систем [13. С. 137], вопрос о том, кто скрывается за фасадом всех институтов и союзов, определяя их политику, возвращает нас к ключевой роли индивида в международных отношениях и мировой политике.

В рамках основных теоретических школ международных отношений значимость роли индивида признается, но оценка факторов мирополитического влияния индивидуальных акторов во многом носит индивидуально-ситуативный характер [14]. В этом контексте рассмотрим пример Ага Хана IV, который, с одной стороны, представляется индивидуальным актором мировой политики в качестве главы транснациональной религиозной общины, а с другой – его акторность проявляется через созданные им светские институты. Необходимо отметить, что в таких случаях во избежание антропоморфизации следует анализировать институты, объединения и общности, как отмечает А. Кузнецов, «как с позиции составляющих их людей с реальными качествами и свойствами последних, так и с точки зрения организации, правил, норм и функций институций разного рода» [15].

Принц Карим Ага Хан IV (полное имя – Шах Карим аль-Хусейни, род. 13 декабря 1936 г.) является духовным лидером мусульман шиитов-исмаилитов – 20-миллионной общины, проживающей в 25 странах мира. Ага Хан IV не раз приезжал в Россию – начиная с 1990-х гг. и до последнего визита в сентябре 2019 г. О нем и о деятельности основанной им Организации Ага Хана по развитию (Aga Khan Development Network – AKDN; АКДН) в российских политических кругах всегда отзывались положительно. В своих мемуарах Евгений Примаков называет Ага Хана IV выдающимся человеком, отмечая, что многократно встречался с ним и «всегда черпал мудрые советы этого человека, без сомнения, заинтересованного в мире и стабильности в этих двух странах (Таджикистан и Афганистан. – Б.Б., К.Б.)» [16. С. 50].

Со времен Е. Примакова отношение к Ага Хану IV в российском руководстве не изменилось; министр иностранных дел России С. Лавров на последней встрече с духовным лидером исмаилитов в 2017 г. заявил, что Россия высоко оценивает предлагаемые им оценки не только по афганской проблематике, но и

по многим другим вопросам современности. В нынешних условиях напряженных отношений между Россией и Западом удивительно, что лидер исмаилитов – выпускник Гарварда, который «вхож во все правительства и аристократические дома Запада» [17], получает признание и одобрение деятельности своих институтов как на Западе, так и на Востоке. Как отмечают некоторые эксперты, «европейская ментальность в сочетании с приверженностью к исламским ценностям делают лидера исмаилитов “своим” как в мусульманском, так и в западном мире» [18].

Высокие оценки и признание Ага Хана IV и учрежденные им институты получают и в развивающихся странах, на которые и ориентирован основной фокус деятельности АКДН. Внушительный список и самая широкая география государственных и негосударственных наград, почетных степеней, полученных Ага Ханом IV за достижения в улучшении жизни людей, укреплении институтов гражданского общества, продвижении идей плюрализма и толерантности [19], демонстрируют выдающиеся дипломатические способности духовного лидера исмаилитов, его авторитет и конструктивную акторность в мировой политике в широком смысле этого термина. Некоторые исследователи отмечают, что деятельная вовлеченность актора в мировую политику часто разрешается на уровне личной биографии индивида, и одним из важнейших признаков акторности при этом является «относительная обособленность индивида от вскормившей и воспитавшей его политики, выделенность человека из той общности, которая непосредственно определяет его социализацию, оснащая его системой норм, ценностей и поведенческих стандартов, всего того, что влияет на формирование его политических убеждений и политической деятельности» [14]. Определенную обособленность такого характера мы наблюдаем на примере самого Ага Хана IV и в практике его институтов, которые работают в разных странах и обществах, но не проявляют себя как инструменты навязывания ценностей или моделей поведения какой-то одной конкретной *политики*.

Влияние Ага Хана IV не ограничивается лишь исмаилитской общиной с опорой на статус духовного лидера. Его авторитет сложно описать только одним типом лидерства в рамках соответствующей веберовской концепции [20. С. 19]. В 1986 г. Ага Хан IV принял Исмаилитскую Конституцию, которая приводит управление межнациональной исмаилитской общины под одной установленной структурой [21]. Также Принц Карим Ага Хан IV находится во главе АКДН, которая религиозной организацией не является. На основе таких фактов Д. Мохаммедпур пишет, что тип лидерства Ага Хана IV является *калейдоскопичным лидерством* (kaleidoscopic leadership) – комбинацией харизматического, традиционного и рационально-легального типов по Веберу [20. С. 20–21]. Такое гибридное лидерство позволяет Ага Хану IV проецировать свою «мягкую силу» за пределами исмаилитской общины, а ключевым инструментом в этом деле выступает АКДН, деятельность которой, согласно Исмаилитской Конституции, направлена на «воплоче-

ние в жизнь социального сознания ислама через институциональные действия» [22].

АКДН представляет собой крупную сеть различных агентств, работающих по различным направлениям – от экономического развития, продвижения гражданского общества, образования и культурного возрождения до здравоохранения и предоставления финансовых услуг (рис. 1). Все агентства в своей деятельности взаимосвязаны и подчинены общей цели – улучшению качества

жизни людей независимо от их вероисповедания путем создания институтов и программ, способных решать проблемы, которые возникают перед развивающимися государствами. Организация ежегодно тратит более 920 млн долл. на реализацию программ социально-культурного развития. В целом по всему миру АКДН реализовывает около 1 000 проектов, ее штат составляет более 95 000 человек, что делает ее одной из крупнейших мировых организаций в области развития [23].

Рис. 1. Структура Организации Ага Хана по развитию
Источник: AKDN. URL: <https://www.akdn.org/about-us/organisation-information>

Имея перед собой относительно полную картину масштаба деятельности Ага Хана IV и его институтов, на основе сформулированного нами набора критериев посмотрим на то, как формируется «мягкая сила» духовного лидера исмаилитов и его институтов, действующих в качестве НГА мировой политики. Здесь необходимо пояснить, что в качестве духовного лидера транснациональной религиозной общины Ага Хан IV в большей степени выступает в роли индивидуального актора мировой политики.

Однако, выходя за пределы исмаилитской общины через институциональные механизмы, природа субъектности Ага Хана IV видоизменяется; мирополитическим актором он становится уже в большей степени посредством созданных или возглавляемых им институтов.

Источники «мягкой силы» Ага Хана IV и его институтов: от частного к универсальному

Ценностный компонент представляется одним из важных в конструировании «мягкой силы» государств. Таким же значением ценности обладают для «мягкосилового» потенциала НГА. Ключевыми ценностями, которые пропагандирует Ага Хан IV, являются космополитическая этика, толерантность и плюрализм, а благо, к которому направлены усилия духовного лидера исмаилитов и его институциональных ресурсов, в первую очередь представляется улучшение качества жизни людей. В своих выступлениях Ага

Хан IV всегда высказывается за взаимопонимание между религиями и культурами, за создание меритократического гражданского общества; он отвергает хантингтоновскую теорию «столкновения цивилизаций», утверждая, что существующие проблемы между Западом и мусульманским миром – это столкновение незнания и невежества (clash of ignorance) [24]. Многим на Западе запомнилось его знаменитое выступление перед парламентом Канады в 2014 г., когда он завершил свою речь аятom из Корана, в котором говорится, что все люди созданы из одной души [25]. Примечательно, что данный аят был выправирован на единой эмблеме Золотого Юбилея (Golden Jubilee) – 50-летия Имамата Ага Хана IV, которую носили на своей одежде исмаилиты по всему миру. К Алмазному юбилею (Diamond Jubilee) Ага Хана IV (2017) была выпущена новая эмблема, которую также украшал близкий по смыслу аят из священной книги мусульман. Тем самым в широкой публичной сфере были продемонстрированы как приверженность учения исмаилитов принципам современного гуманизма, так и особые, во многом уникальные, связи между религиозным лидером и верующими.

Пропаганда универсальных гуманистических ценностей, которую постоянно ведет духовный лидер исмаилитов, не может быть непривлекательной для любой цивилизованной аудитории, но при отсутствии постоянных механизмов популяризации традиции толкования, разъяснения таких идеалов у провозглашающего их субъекта «мягкая сила» автоматически

не возникает. В случае с Ага Ханом IV эта сила формируется посредством продвижения провозглашаемых ценностей через практику институтов исмаилитской общины, посредством созданных им АКДН, Глобального центра плюрализма и других структур, в которых лидер исмаилитов имеет большое личное влияние. Так, АКДН, согласно разработанному для нее Институтом Исмаилитский Исследований свода этических норм [26], участвует в оказании помощи людям вне зависимости от религии или других принадлежностей; на этой основе формируется и управленческий состав Организации. Как отмечает канадский исследователь Х. Карим, высокая эффективность деятельности АКДН связана с тем, что она подбирает людей для работы не на религиозной, а на профессиональной основе. При этом акцент делается на традиционные ценности исмаилитской общины, такие как добровольное и безвозмездное служение общине (волонтерство), опора на собственные силы, щедрость и др. Такая политика обеспечивает АКДН хорошую репутацию [27].

Еще одним критерием, влияющим на формирование «мягкой силы» у НГА, является *признание* на международной арене, особенно со стороны государств. Пример Ага Хана IV показывает, что такого признания можно добиться не только благодаря статусу духовного лидера своей религиозной общины, но и благодаря деятельности, которая выходит далеко за ее пределы. В историческом контексте признание (в политическом смысле это термина) исмаилитского Имамата происходило в связи с фактом обладания этой общины своего государства, пример чему – Фатимидский халифат (909–1171) [28]. Однако на современном этапе разброшенная по всему миру исмаилитская община не имеет своего государства. Поэтому знаковым историческим моментом для нее стало признание в 2015 г. со стороны Португалии правосубъектности исмаилитского Имамата. Теперь он признается Португалией в таком же статусе, в каком в Лиссабоне признают Ватикан [29]. В соглашении между Португалией и исмаилитским Имаматом об учреждении резиденции (Seat of the Ismaili Imamat) в Португалии отмечается, что глобальный центр в Лиссабоне будет служить духовному лидеру исмаилитов в осуществлении руководства своей общиной, улучшении качества жизни людей по всему миру, укреплении международных отношений и продвижении сотрудничества с государствами, международными организациями и другими акторами [30].

Хотя данное соглашение и приравнивает в церемониально-дипломатическом плане статус Имама исмаилитов к статусу глав государств, тем не менее следует отметить, что и раньше во время официальных визитов во многих странах его фактически принимали по протоколу приемов глав государств. Такие проявления высокого уважения к Ага Хану IV, конечно, опираются на его религиозный статус, но не в меньшей степени и на его гуманитарную деятельность. Характерно, что многие государства Африки, Азии и Европы на основе соглашений или специальных протоколов предоставляют институтам Ага Хана IV дипломатические привилегии.

Как отмечает А. Чонг, по своей природе «мягкая сила» НГА связана с проецированием в сфере сознания некоего идеального сообщества (общины), старающегося демонстрировать лучшие качества человечества, особенно в плане эффективного / надлежащего управления (good governance) [10]. Фактор признания Исмаилитского Имамата со стороны Португалии не превращает исмаилитскую общину в государство, однако он дает Ага Хану IV дополнительные возможности для организации деятельности своей транснациональной общины, продвижения позитивных ценностей, что в дальнейшем будет способствовать повышению его международного авторитета, укреплению «мягкой силы» его институтов.

Переходя к третьему критерию оценки «мягкой силы» НГА в лице Ага Хана IV и его институтов – *доверию*, отметим, что он по своей сути тесно связан с предыдущим. Дистанцирование лидера исмаилитов от политической практики, активная конструктивная деятельность его организаций с опорой на принципы космополитической этики являются важным фактором международного доверия к духовному лидеру исмаилитов и его институтам. Как отмечает российский писатель С. Плеханов, духовный лидер исмаилитов «считается одним из видных лидеров современного мира. Его регулярно принимают главы великих держав, к его мнению прислушиваются в ООН и в самых влиятельных международных организациях» [31]. Его вклад в развитии гуманитарного сотрудничества регулярно отмечается международными наградами. Так, в 2017 г. Ага Хан IV получил премию за лидерство в глобальном мире, выдающиеся достижения и перемены (Global Leadership Award). Данная награда присуждается людям и организациям, внесшим значительный вклад в работу ООН для достижения мира и процветания.

Следует отметить, что на доверие государства к НГА часто влияет политическая нейтральность последнего. В контексте нашего кейса нельзя говорить, что духовный лидер исмаилитов никогда не влиял на общественно-политические процессы – такая абсолютная нейтральность просто невозможна ввиду присутствия представителей исмаилитской общины по всему миру, в том числе во многих конфликтных зонах. Однако влияние лидера исмаилитов на политические процессы всегда оценивалось положительно. Более того, в ряде случаев государства были прямо заинтересованы в участии Имама исмаилитов в решении конкретных вопросов политического характера.

Примером может служить позиция правительства Республики Таджикистан в период гражданской войны, в урегулирование которой заметный вклад внес и Ага Хан IV. Значительным был вклад его институтов в постконфликтном поддержании социально-экономической стабильности в Таджикистане. Важным оказалось и его участие в налаживании отношений между таджикскими властями и населением Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) после спецоперации таджикских силовых структур против криминальных элементов региона в 2012 г. Как отмечает таджикский политолог П. Муллоджонов, боль-

ших жертв тогда удалось избежать именно благодаря обращению Ага Хана IV к населению с призывом пойти на примирение с правительством. Действительно, одним из основных постулатов современного исмаилизма является лояльность к власти, что неоднократно было подтверждено политикой духовного лидера исмаилитов по отношению к Таджикистану. По мнению экспертов, сегодня в контексте обеспечения стабильности в Центральной Азии, особенно на фоне ухудшающейся ситуации в соседнем Афганистане, Россия признает авторитет Ага Хана IV, который может позитивно повлиять на ход событий в регионе [32]. Примеры говорят о том, что духовному лидеру исмаилитов удастся остаться в стороне от активной политической роли, но использование им ресурсов «мягкой силы» создает ему лично и его организациям образ надежного партнера и медиатора для решения социально-гуманитарных и значимых общественно-политических проблем в положительном для вовлеченных сторон ключе.

Безусловно, обеспечение «мягкой силы» Ага Хана IV не ограничивается рассмотренными нами факторами. Можно говорить о образовательных инструментах, которые являются трансляторами ценностей НГА. Ага Хан IV уделяет большое внимание сфере образования, являющейся одним из ключевых направлений работы АКДН, в которой этой сферой занимаются пять ведущих подразделений: Служба Ага Хана по образованию, Академии Ага Хана, Фонд Ага Хана, Университет Ага Хана и Университет Центральной Азии (УЦА). В сегменте высшего образования в семи странах работают Университет Ага Хана и УЦА, которые готовят специалистов в сфере медицинского обслуживания, образования, медиакоммуникации и бизнеса [33].

Отдельно в этом контексте хотелось бы отметить значимость УЦА – одного из крупнейших образовательных проектов АКДН на постсоветском пространстве. УЦА учрежден в 2000 г. в качестве некоммерческого светского университета, его кампусы расположены в Нарыне (Кыргызстан), Хороге (Таджикистан) и Текели (Казахстан). Примечательно, что учредительный договор и Устав УЦА были подписаны президентами этих стран и Ага Ханом IV, ратифицированы парламентами трех республик и зарегистрированы в ООН. Стратегическая значимость работы УЦА в контексте ЦА заключается не только в том, что он будет готовить высококвалифицированных специалистов для решения насущных проблем региона. Кампусы УЦА являются точкой притяжения для студентов со всего региона и его окружения. В среднесрочной перспективе функционирование УЦА может способствовать формированию эпистемических сообществ, позитивной динамике гуманитарного сотрудничества в регионе и конструктивному диалогу по урегулированию существующих противоречий [34]. Эти факторы, можно полагать, будут оказывать позитивное влияние на продвижение «мягкой силы» Ага Хана IV и его институтов.

Не стоит также забывать о роли информационных инструментов, которым НГА активно пользуются

в сегодняшних условиях развития сетевых коммуникаций. Самого Ага Хана IV вряд ли можно назвать большим ньюсмейкером, однако исмаилитский Имамат умело работает в медиапространстве. Медийное внимание в последнее время привлекает феномен *Юбилеев* – празднование годовщин Имамата Ага Хана IV. Так, большим числом международных мероприятий социального характера сопровождалось празднование 50-й годовщины Имамата Ага Хана IV (Golden Jubilee), а в 2017 г. начались мероприятия в рамках празднования Алмазного Юбилея (Diamond Jubilee) Ага Хана IV, которое продолжилось до июля 2018 г. По всему миру, в том числе и в России, были проведены различные крупные культурные, социальные мероприятия – Jubilee Concert, Jubilee Arts, спортивные турниры и другие. Следует упомянуть и свежий пример: в сентябре 2019 г. в Казани состоялась церемония вручения награды в области архитектуры – Aga Khan Award for Architecture. Вручение данной премии с сорокалетней историей является важным событием в мире архитектуры. Награда с призовым фондом в 1 млн долл. вручается раз в три года, что делает ее одной из наиболее престижных в данной сфере. В 2019 г. в числе победителей впервые оказалась и заявка из России – Программа развития общественных пространств на территории Татарстана. Мероприятие в Казани, в котором принял участие и сам Ага Хан IV, получило широкое освещение в СМИ и социальных сетях.

Хотя многие из вышеупомянутых мероприятий являются внутриобщинными, но, оказываясь в фокусе внимания СМИ, они демонстрируют широко и публично ее духовные ценности, что способствует формированию положительного образа Ага Хана IV и его институтов. Такая глобальная социальная активность мусульман-исмаилитов способна повлиять и на имидж мусульман в целом, которому наносит ущерб деструктивная деятельность террористических групп, связывающих себя с исламом. По мнению американского профессора Ли Хубнера, если от чрезмерной концентрации на освещении деятельности радикальных исламистов СМИ перейдут к освещению деятельности таких личностей, как Ага Хан IV, общество будет по-другому настроено в отношении мусульман и их религии [35].

Таким образом, рассмотрение ресурсов «мягкой силы» Ага Хана IV и его институтов как возможного типологического примера обеспечения деятельности НГА на международной арене подтверждает основные подходы к оценке этого феномена. Он сочетает объективные модельные и субъективные персонифицированные характеристики, причем соотношение этих компонентов варьирует. Тем не менее проведенный анализ позволяет сделать вывод, что именно субъективные моменты, такие как способность к конструктивному участию в разрешении конфликтных проблем, приверженность принципам гуманизма и содействие развитию на пути к достижению общественного блага в его идеальной трактовке, в том числе религиозной, являются наиболее надежным источником авторитета, привлекательности и влияния НГА.

«Мягкая сила» Ага Хана IV и его институтов опирается не только на основательную массовую базу в лице миллионов убежденных приверженцев исмаилизма, но и на реальное содержание практической деятельности, поэтапное включение в ее сферу новых направлений и форматов, расширение международного признания, в том числе со стороны отдельных государств.

В целом сопоставление различных аспектов деятельности институтов Ага Хана IV позволяет сделать заключение о тесной взаимосвязи уникального опыта негосударственных форматов акторности с общими тенденциями трансформаций международной среды, которые стимулируют сопряженность проявлений частного и универсального в развитии мировой политики.

Заключение

В современных реалиях мировой политики наблюдается диффузия влияния различных участников, а также перераспределение их ресурсов между государствами и негосударственными акторами. «Мягкая сила» как не-силовой инструмент достижения целей оказывается все более многоликой. Однако, в отличие от государств, для которых критерии оценки «мягкосилового» потенциала обычно схожи и могут определяться как преимущественно универсальные, «мягкую силу» НГА необходимо рассматривать в рамках более дифференцированных параметров. НГА крайне разнородны по своей природе. Для тех НГА, которые вовлечены в социально-гуманитарную сферу международного взаимодействия, ключевыми конструктами «мягкой силы» являются *привлекательность их ценностей, факт публичного признания их деятельности как позитивной и доверие со стороны членов мирового*

сообщества. При этом субъективные начала в каждом из конструктов выражены для НГА намного ярче, чем в случае, когда аналогичные начала используются в составе «мягкосиловых» ресурсов традиционных государственных акторов.

Рассмотренный авторами кейс демонстрирует, как индивидуальный актор, обладающий указанными качествами в личностном плане или посредством руководимых им институциональных структур, становится активным участником международного взаимодействия, формируя свою репутацию надежного партнера суверенных государств в решении насущных проблем современности.

Ресурсы «мягкой силы» по-разному применяются на международной арене, часто используются для микширования «жесткосиловых» силовых интенций, но политический запрос на «мягкую силу» как таковую остается стабильным. Представляется, что повышение внимания к научному осмыслению «мягкосилового» влияния НГА, в частности категории индивидуальных / персональных акторов, может способствовать не только обогащению дискурса по тематике «мягкой силы», но и пониманию объективных возможностей различных негосударственных форматов транснационального взаимодействия. Применение аналитических сравнений с опорой на исследование опыта деятельности Ага Хана IV и его институтов, проводившееся с учетом состояния современной международной среды, показывает, что взаимное влияние частных и универсальных факторов формирования ресурсов «мягкой силы» НГА развивается неравномерно, но «мягкосиловые» аспекты частных начал международного бытия способны инициировать трансформации, сопоставимые по масштабам с трансформациями, происходящими под влиянием деятельности традиционных государственных акторов.

Список источников

1. Nye S.J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. New York : Public Affairs, 2004. 191 p.
2. Nye J. The Rising Power of NGO's // Project Syndicate. 2004. June 24. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-rising-power-of-ngo-s-2004-06> (accessed: 30.03.2022).
3. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3 (54). С. 212–223.
4. Non-state Actors: Impact on International Relations and Implications for the US // National Intelligence Council. 2007. URL: https://www.dni.gov/files/documents/nonstate_actors_2007.pdf (accessed: 12.03.2022).
5. Филин Н.А., Пилюн М.Г. Аятолла Али Систани: новые возможности старой школы шиитского религиозного наставничества // Власть. 2015. № 2. С. 133–137.
6. Цыганков П.А. Негосударственные участники мировой политики // Обозреватель. 2013. № 9. С. 5–17.
7. Chong A. Foreign Policy in Global Information Space: Actualising Soft Power. New York : Palgrave Macmillan, 2007. 240 p.
8. Trevorton G.F., Jones S.G. Measuring National Power. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2005. URL: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF215.html (accessed: 30.03.2022).
9. Nye J. China's Soft Power Deficit // The Wall Street Journal. 2012. May 8. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304451104577389923098678842> (accessed: 04.04.2022).
10. Chong A. Non-State Actors and Soft Power // Non-State Actors in International Law / ed. by M. Noortmann, A. Reinisch, C. Ryngaert. Oxford : Hart Publishing, 2015. P. 323–344.
11. Манойло А. «Мягкая сила» террористов // Россия и мусульманский мир. 2017. № 3 (297). С. 137–149.
12. Rosenau J. Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity. Princeton : Princeton University Press, 1990. 504 p.
13. Баталов Э.Я. Антропология международных отношений. М. : Аспект Пресс, 2018. 352 с.
14. Катаев Д.С., Фельдман Д.М. Человек в науке о мировой политике // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 6 (15). С. 102–107.
15. Кузнецов А.М. Человек в международных отношениях: дань времени или необходимая трансформация парадигмы? // Политическая концептология. 2013. № 2. С. 218–229.
16. Примаков Е.М. Встречи на перекрестках. М. : Центрполиграф, 2015. 624 с.
17. Мирзаян Г., Скорик П. Давать удочки, а не рыбу // Эксперт. № 34 (671). URL: http://expert.ru/expert/2009/34/davat_udochki_a_ne_rybu/ (дата обращения: 06.04.2022).
18. Бухари-заде Н. 1995–2015: Его Высочество Ага Хан IV и его таджикские единоверцы // ИА «Фергана». 2015. 26 мая. URL: <http://www.fergananews.com/articles/8559> (дата обращения: 04.04.2022).
19. His Highness the Aga Khan's Awards & Honours. URL: <https://the.ismaili/his-highness-aga-khans-awards-honours> (accessed: 04.04.2022).

20. Mohammad Poor D. *Authority without Territory: The Aga Khan Development Network and the Ismaili Imamat*. New York : Palgrave Macmillan, 2014. 258 p.
21. The Ismaili Imamat and its Institutional Capacity // The Institute of Ismaili Studies. 2007. July. URL: https://prod-static-iis.s3.eu-west-2.amazonaws.com/s3fs-public/ismailiimamat_logo-861685442.pdf (accessed: 04.04.2022).
22. The Constitution of the Shia Imami Ismaili Muslims. URL: <http://ismaili.net/source/legal-documents/1998-ismaili-constitution.pdf> (accessed: 04.04.2022).
23. About AKDN. URL: www.akdn.org/ (accessed: 04.04.2022).
24. Interview with Aga Khan: "Islam Is a Faith of Reason" // Spiegel. 2006. October 12. URL: <http://www.spiegel.de/international/spiegel/spiegel-interview-with-aga-khan-islam-is-a-faith-of-reason-a-442180.html> (accessed: 04.04.2022).
25. Address to both Houses of the Parliament of Canada in the House of Commons Chamber. 27 February 2014. URL: <http://www.akdn.org/speech/his-highness-aga-khan/address-both-houses-parliament-canada-house-commons-chamber> (accessed: 04.04.2022).
26. Aga Khan Development Network: an Ethical Framework // Institute of Ismaili Studies. London, 2000. URL: www.akdn.org/sites/akdn/files/media/documents/various_pdf_documents/akdn_ethical_framework.pdf (accessed: 04.04.2022).
27. Karim K.H. Muslim Migration, Institutional Development, and the Geographic Imagination: The Aga Khan Development Network's Global Transnationalism // *Transnational Europe: Promise, Paradox, Limits* / ed/ by J. De Bardeleben, A. Hurrelmann. New York : Palgrave Macmillan, 2011. P. 205–221.
28. Lakhani A.M. *Faith and Ethics: The Vision of the Ismaili Imamat*. London ; New York : I.B. Tauris, 2018. 272 p.
29. Seat of the Ismaili Imamat: Portugal – the capital of enlightened and peaceful Islam? // ismailmail.wordpress.com/2017/07/18/seat-of-the-ismaili-imamat-portugal-the-capital-of-enlightened-and-peaceful-islam/ (accessed: 04.04.2022).
30. Agreement between the Portuguese Republic and the Ismaili Imamat on the Establishment of the Seat of the Ismaili Imamat in Portugal. URL: <https://simerg.com/2015/08/03/the-seat-of-imamat-text-of-the-historic-agreement-between-the-portuguese-republic-and-the-ismaili-imamat/> (accessed: 04.04.2022).
31. Плеханов С. Ага Хан IV: «Я верю в основополагающие человеческие ценности...» // *Обозреватель*. 2009. № 2. С. 118–126.
32. Крючков И. Россия отдала Хану должное // *Газета.ру*. 2017. 20 апр. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/04/20_a_10636367.shtml (дата обращения: 05.04.2022).
33. AKDN and Education. URL: <http://www.akdn.org/what-we-do/education> (accessed: 04.04.2022).
34. Бахриев Б.Х. Центральноеазиатское направление социально-гуманитарной деятельности негосударственных акторов (на примере Организации Ага Хана по развитию) // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 3. Общественные науки. 2019. Т. 14, № 2 (188). С. 140–152.
35. Kaplan S. Why You Haven't Heard of the Aga Khan // *Mediafiled*. 2016. Sept. 19. URL: <http://www.mediafiled.com/havent-heard-aga-khan/> (accessed: 02.04.2022).

References

1. Nye, S.J. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.
2. Nye, J. (2004) The Rising Power of NGO's. *Project Syndicate*. 24 June. [Online] Available from: <https://www.project-syndicate.org/commentary/the-rising-power-of-ngo-s-2004-06> (Accessed: 30.03.2022).
3. Lebedeva, M.M. (2017) "Myagkaya sila": ponyatie i podkhody ["Soft power": concept and approaches]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 3 (54). pp. 212–223.
4. National Intelligence Council. (2007) *Non-state Actors: Impact on International Relations and Implications for the US*. [Online] Available from: https://www.dni.gov/files/documents/nonstate_actors_2007.pdf (Accessed: 12.03.2022).
5. Filin, N.A. & Piloyan, M.G. (2015) Ayatolla Ali Sistani: novye vozmozhnosti staroy shkoly shiitskogo religioznogo nastavnichestva [Ayatollah Ali Sistani: New Opportunities for the Old School of Shia Religious Mentoring]. *Vlast'*. 2. pp. 133–137.
6. Tsygankov, P.A. (2013) Negosudarstvennye uchastniki mirovoy politiki [Non-state participants in world politics]. *Obozrevatel'*. 9. pp. 5–17.
7. Chong, A. (2007) *Foreign Policy in Global Information Space: Actualising Soft Power*. New York: Palgrave Macmillan.
8. Treverton, G.F. & Jones, S.G. (2005) *Measuring National Power*. Santa Monica, CA: RAND Corporation. [Online] Available from: https://www.rand.org/pubs/conf_proceedings/CF215.html (Accessed: 30.03.2022).
9. Nye, J. (2012) China's Soft Power Deficit. *The Wall Street Journal*. 8 May. [Online] Available from: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052702304451104577389923098678842> (Accessed: 04.04.2022).
10. Chong, A. (2015) Non-State Actors and Soft Power. In: Noortmann, M., Reinisch, A. & Ryngaert, C. (eds) *Non-State Actors in International Law*. Oxford: Hart Publishing. pp. 323–344.
11. Manoylo, A. (2017) "Myagkaya sila" terroristov ["Soft power" of terrorists]. *Rossiia i musul'manskiy mir*. 3 (297). pp. 137–149.
12. Rosenau, J. (1990) *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. Princeton: Princeton University Press.
13. Batalov, E.Ya. (2018) *Antropologiya mezhdunarodnykh otnosheniy* [Anthropology of International Relations]. Moscow: Aspekt Press.
14. Kataev, D.S. & Fel'dman, D.M. (2010) Chelovek v nauke o mirovoy politike [Man in the science of world politics]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 6 (15). pp. 102–107.
15. Kuznetsov, A.M. (2013) Chelovek v mezhdunarodnykh otnosheniyakh: dan' vremeni ili neobkhodimaya transformatsiya paradigmy? [Man in international relations: a tribute to the times or a necessary paradigm transformation?]. *Politicheskaya kontseptologiya*. 2. pp. 218–229.
16. Primakov, E.M. (2015) *Vstrechi na perekrestkakh* [Meeting at the Crossroads]. Moscow: Tsentrpoligraf.
17. Mirzayan, G. & Skorik, P. (2009) Davat' udochki, a ne rybu [Teaching to fish, not giving fish]. *Ekspert*. 34 (671). [Online] Available from: http://expert.ru/expert/2009/34/davat_udochki_a_ne_rybu/ (Accessed: 06.04.2022).
18. Bukhari-zade, N. (2015) 1995–2015: Ego Vysochestvo Aga Khan IV i ego tadjikskie edinovertsy [1995–2015: His Highness Aga Khan IV and his Taj

26. AKDN. (2000) *Aga Khan Development Network: an Ethical Framework*. [Online] Available from: www.akdn.org/sites/akdn/files/media/documents/Various_pdf_documents/akdn_ethical_framework.pdf (Accessed: 04.04.2022).
27. Karim, K.H. (2011) Muslim Migration, Institutional Development, and the Geographic Imagination: The Aga Khan Development Network's Global Transnationalism. In: De Bardeleben, J. & Hurrelmann, A. (eds) *Transnational Europe: Promise, Paradox, Limits*. New York: Palgrave Macmillan. pp. 205–221.
28. Lakhani, A.M. (2018) *Faith and Ethics: The Vision of the Ismaili Imam*. London; New York: I.B. Tauris.
29. Ismailimail.wordpress.com. (2017) Seat of the Ismaili Imam: Portugal – the capital of enlightened and peaceful Islam? *Ismailimail.wordpress.com*. 18 July. [Online] Available from: <https://ismailimail.wordpress.com/2017/07/18/seat-of-the-ismaili-imamat-portugal-the-capital-of-enlightened-and-peaceful-islam/> (Accessed: 04.04.2022).
30. Simerg. (2015) Agreement between the Portuguese Republic and the Ismaili Imam on the Establishment of the Seat of the Ismaili Imam in Portugal. *Simerg*. 3 August. [Online] Available from: <https://simerg.com/2015/08/03/the-seat-of-imamat-text-of-the-historic-agreement-between-the-portuguese-republic-and-the-ismaili-imamat/> (Accessed: 04.04.2022).
31. Plekhanov, S. (2009) Aga Khan IV: “Ya veryu v osnovopolagayushchie chelovecheskie tsennosti...” [Aga Khan IV: “I believe in fundamental human values ...”]. *Obozrevatel*. 2. pp. 118–126.
32. Kryuchkov, I. (2017) Rossiya otdala Khanu dolzhnoe [Russia paid tribute to Khan]. *Gazeta.ru*. 20 April. [Online] Available from: https://www.gazeta.ru/politics/2017/04/20_a_10636367.shtml (Accessed: 05.04.2022).
33. AKDN. (n.d.) *AKDN and Education*. [Online] Available from: <http://www.akdn.org/what-we-do/education> (Accessed: 04.04.2022).
34. Bakhriev, B.Kh. (2019) Tsentral'noaziatskoe napravlenie sotsial'no-gumanitarnoy deyatel'nosti negosudarstvennykh aktorov (na primere Organizatsii Aga Khana po razvitiyu) [Central Asian direction of social and humanitarian activities of non-state actors (on the example of the Aga Khan Development Organization)]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3. Obshchestvennye nauki*. 2 (188). pp. 140–152.
35. Kaplan, S. (2016) Why You Haven't Heard of the Aga Khan. *Mediafiled*. 19 September. [Online] Available from: <http://www.mediafiled.com/havent-heard-aga-khan/> (Accessed: 02.04.2022).

Информация об авторах:

Бахриев Б.Х. – канд. полит. наук, научный сотрудник кафедры мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

Боришполец К.П. – канд. полит. наук, профессор кафедры мировых политических процессов, ведущий научный сотрудник Центра евроазиатских исследований Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России (Москва, Россия). E-mail: oksabor@mgimo.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

B.Kh. Bahriev, Cand. Sci. (Political Science), researcher, MGIMO University MFA Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: mr.bahriev29@gmail.com

K.P. Borishpolets, Cand. Sci. (Political Science), professor, leading researcher, MGIMO University (Moscow, Russian Federation). E-mail: oksabor@mgimo.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022;
одобрена после рецензирования 23.08.2022; принята к публикации 31.08.2022.

The article was submitted 07.04.2022;
approved after reviewing 23.08.2022; accepted for publication 31.08.2022.